

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Мансура Мохаммеда Хассана Сямани на тему: «Фразеологизмы-эвфемизмы русского языка на фоне арабского: лингвокультурологический аспект (тематическая группа «социальные пороки»)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык

Фразеология относится к числу часто исследуемых в большом числе стран разделов лингвистики, и это позволяет в компаративистике опираться на работы, созданные применительно к разным языкам. Чрезвычайно увлекательно следить за тем, как решаются теоретические и практические задачи арабистами и русистами. Это значительно усиливает теоретическую значимость диссертации, внося вклад в метакогнитивную науку. Любые исследования темных сторон жизни вызывают интерес у самой широкой публики, который многие нередко называют «нездоровым». В выбранной Мансуром Мохаммедом Хассаном Сямани теме социальных пороков сквозь призму фразеологизмов нет любования негативными проявлениями человеческого существования, но всё предстает как интрига: что на самом деле оказывается пороком, что думают другие народы о русских эвфемизмах, связанных с обозначением отрицательно оцениваемых социальных феноменов. При этом огромный вопрос – кто, когда и как решает, что является достойным, правильным, нормативным поведением, а что нет. В связи с такой острой постановкой проблемы нельзя не отметить смелость и актуальность темы исследования: аксиологическая ось не безусловна, на стыке культур возникает множество несогласованностей, ценности не вечны, язык консервативен и сохраняет моральные установки прошлого времени. Эвфемизация – процесс по крайней мере двусторонний, так что его результат может быть и более, и менее приличным, чем исходное нейтральное обозначение, и, как верно отмечает диссертант, это преломляется в осуждении или оправдании соответствующих ситуаций, стоящих за словами.

Выбор в качестве объекта исследования фразеологизмов, описывающих взяточничество, воровство и проституцию, можно считать максимально нейтральным, поскольку он касается общих для разных наций явлений, неоспоримо осуждаемых в любой культуре. Однако удивительно то, что эти темы до сих пор не обсуждаются открыто, что они табу. Людям дискомфортно говорить об этих социальных недостатках – и они говорят завуалированно. Это чувствительный момент дурных наклонностей, усугубляемых неадекватностью отношения к фактам.

09/2-02-481 от 17.09.2020 г.

Убедительно звучит обращение к различным критериям выявления фразеологических единиц, а также их компонентов в результате соотнесения с материалами, имеющимися в фольклорных, исторических, литературных и других источниках. Используется термин «код культуры» (или, скорее, «культурный код»), разработанный в свое время для маркетинга и пока что, как кажется, не нашедший точного научного определения в лингвистике (за исключением, может быть, цитируемых работ М. Л. Ковшовой). Расшифровка кодов как антропного, соматического, зооморфного, пищевого, религиозного может внести вклад среди прочего в теорию межкультурной коммуникации, как и многие другие подходы диссертационного исследования. Обращение к семиотическому потенциалу, т. е. к эталонной значимости и стереотипности фразеологических эвфемизмов как символов, в общем-то, переводит нас на зыбкую почву гипотез относительности, но притягивает внимание. Несомненно, вызывает доверие широкий арсенал примененных методов исследования: компонентного, семантического и сопоставительного анализа и лингвокультурологического комментария. Хочется больше узнать о побочных значениях прилагательных «красный» и «легкий» в обоих языках. Подчеркнем, что в работе рассыпано много тонких наблюдений и размышлений, одновременно с которыми автор прибегает к приему хеджирования, постоянно показывая, что приведенная точка зрения не единственная, что возможны и другие интерпретации, в частности, нейтрализация и перемена вектора оценки события или поступка.

Представляется важной опора на архетипические оппозиции типа «ясное/темное», «открытое/скрытое», «переднее/заднее», «правый/левый» и др., хотя понятно, что они не всегда присутствуют, т. е. не в каждом примере удается выделить этот компонент. Естественно, что интерпретации метафор и эвфемизмов могут не совпадать, что степень их употребительности может быть разной (например, «Гони монету!» означает не только взятку, но вообще требование отдать обещанные деньги; «на ходу подметки рвет» говорят о ловком человеке, имеющем в жизни свои важные цели, не гнушающемся обтяпывать свои дела всеми способами, а не о воре, но этимология в данном случае спорная: взять то, что плохо лежит, сделать вид, что какая-то вещь тебе нужнее, чем другому, открыто – т. е. не на стороне темных сил – и даже хвастаться этим – вроде бы не соответствует типическому описанию кражи). Ярко и непривычно звучат в переводе арабские выражения типа: «Водой распыли – прохладу ощутишь!». Любопытно обыгрывание ассоциативных рядов со словами «ящик» и «живот»: понятно, что стоит возникнуть устойчивой связи между фразеологизмом и денотатом, как открывается простор для творчества, в том числе для намеков и шуток. Хотя, как мы понимаем, здесь «открытый ящик» выступает именно как противоположность скрытому и тайному делу, для которого

он служит. Существенным моментом исследования является обнаружение того, что соматизм *рука* предстает как эталонное орудие кражи. Поражает этнографическое сведение о том, что арабские женщины в отсутствие супруга много месяцев не распускают и не развязывают волосы.

Три порока, отобранных для исследования, как показывает диссертант, не вполне различны: взяточничество может пониматься как частный случай воровства, а воровство, в отличие от взяточничества, как известно из истории, иногда считается благородным делом. Проституция – гораздо более сложная и культурно-специфичная проблема со перечнем градаций. Собранный диссертантом материал с очевидностью демонстрирует, что изучение русской классической литературы в школе поддерживает знакомство с культурой XIX века, в частности, встречающиеся в ней выражения остаются понятными и тогда, когда уходят реалии прошлой жизни.

Очень хотелось бы видеть семантическое описание принципов создания эвфемизмов на основе выделенных архетипов в виде сводной таблицы. Например, при рассмотрении взяточничества учесть: сделать так, чтобы событие стало невидимым (класть в карман / брать конверт, передавать под столом); чтобы этот доход стал не облагаемым налогом и ненаказуемым (положено по должности и не более того); чтобы списать его как расход по профессиональным или семейным обстоятельствам (на сапоги, на молоко); переименовать очевидное, превратив в знак принадлежности к культуре («вот вам чай», «это вам к чаю», «это подарок супруге»).

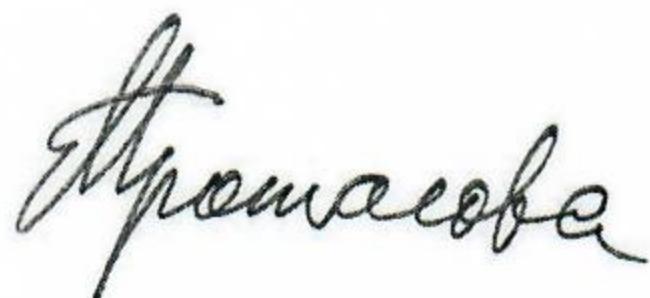
Хотелось бы задать несколько дополнительных к содержанию диссертации вопросов.

1. Рассмотрев три поля фразеологических эвфемизмов, можете ли Вы сказать, в чем арабская и русская лингвокультуры наиболее сходны и чем максимально отличаются друг от друга? Какие фразеологизмы в принципе не могли бы встретиться в русской культуре и в арабской культуре?
2. Как Вы понимаете, что такое «символическая энергия» (у Вас есть такой термин)?
3. Всегда ли пороки могут называться устойчивыми выражениями, заимствованными из религиозной сферы, иными словами, правда ли, что поскольку определение пороков берет свое начало в заповедях, то обязательно существуют коннотации, связывающие каждый из них с каким-то религиозным термином?

4. Было бы также интересно узнать, так же ли сильно менялись в исторической перспективе фразеологизмы-эвфемизмы в арабском языке, как в русском, если только привлеченный к рассмотрению лингвистический материал позволяет сделать такое обобщение. Например, могут ли современные арабы понять старые эвфемизмы – ведь русские совсем не всё понимают у Даля?

Диссертация Мансура Мохаммеда Хассана Саммани на тему: «Фразеологизмы-эвфемизмы русского языка на фоне арабского: лингвокультурологический аспект (тематическая группа «социальные пороки»)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Саммани Мансур Мохаммед Хассан заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт
Отделения языков Хельсинкского университета, Финляндия

Протасова Екатерина Юрьевна
09.09.2020